

# 11 ПОСЛЕ БУРИ

---

Новые циклы в самом начале зачастую выглядят неупорядоченными — до тех пор, пока не развернутся и не приведут к появлению новых решений. Если вспомнить 1930-е или 1970-е годы, то каждый из этих периодов был так или иначе связан с социально-экономическим сдвигом. За каждым из них следовала эпоха длительного процветания. Институциональным сдвигам обычно предшествуют военные конфликты, а окончание этих конфликтов создает основу для новой институциональной структуры. Из этого тяжелого испытания возникают и новая социально-экономическая, и новая институциональная системы. 2020-е станут провальным десятилетием, а 2030-е и дальше — периодом созидания.

Выборы-2028 (в крайнем случае — 2032) создадут политический контекст для выхода из бури, бушевавшей все предыдущее десятилетие. По мере вхождения в шестой социально-экономический цикл будет происходить политическая битва между потрепанными и реакционными технократами, которые продолжают утверждать, что их знания, квалификация и заслуги дают им законное — с моральной точки зрения — право на власть в США. Противостоять им будет коалиция, состоящая из преемников тех, кто остался ни с чем в прошлом цикле; они преодолеют этнические разногласия, царившие в предыдущем

цикле. При ожидаемом развитии событий коалиция потребует перераспределить власть и богатство, но вместе с тем переопределится и американский социальный ландшафт. К новому социально-экономическому циклу добавится новый институциональный сдвиг.

Главная проблема четвертого институционального цикла — что делать с неэффективной федеральной властью, проникнувшей во все социальные аспекты. Проблеме необходимо решение, и им станет выработка нового принципа управления системой. Удивительно, но это будет принцип, уже являющийся частью масштабной федеральной системы и величайшей бюрократии: вооруженные силы. В американской армии действует принцип формулируемого командиром замысла. Военачальник, принимая в расчет реалии, раскладывает перед подчиненными задачу в подробностях и ожидает от них исполнения. Те не имеют права уклониться от задания. Но вместе с тем они также не имеют права выполнить приказ механически, без учета всех существующих факторов. Командир несет ответственность за то, чтобы его замысел был не только четко сформулирован, но и понятен подчиненным. Затем он старается претворить замысел в жизнь, передав инициативу младшему командному составу. Так происходит не во всех армиях. К примеру, Советская армия была технократической. В американских же вооруженных силах при выполнении операции всегда требовалась инициатива.

Модель федерального правительства, действующего не по строгим разработанным правилам, а согласно

замыслу, подходящему точно к каждому случаю и передающему власть управленцам ниже рангом, кажется противоречащей всем американским принципам управления. Например, при высадке в Нормандии в 1944 году американские войска столкнулись с таким препятствием, как слишком густые лесные заросли, мешавшие продвижению. Задача состояла в том, чтобы быстро продвинуться в глубь территории Франции и окружить немцев. Сержант Кертис Г. Кулин, обсуждая проблему с военнослужащими своего подразделения, придумал решение: установить металлические лезвия на танк и таким образом прорезать себе путь сквозь живую изгородь. Не спрашивая разрешения у начальства, он модифицировал танк и обнаружил, что его задумка работает. Он нарушил несколько правил — в том числе запрет на самовольное внесение изменений в конструкцию дорогостоящего танка. Генерал Омар Брэдли, увидев это новшество, не нашел причин сделать выговор, наградил его орденом «Легион почета» и приказал переоборудовать танки по методике Кулина. Итак, замысел Брэдли был известен его войскам. Кулин, понимая этот замысел, действовал нестандартно, что помогло продвижению через Нормандию.

Свобода действий, основанная на замысле командира, означает, что ожидаемый результат — это успех, а не конкретный способ его достижения. Задача Администрации транспортной безопасности (TSA) — не допустить уничтожения самолетов и убийства пассажиров террористами. Технократическое решение состоит в том, чтобы досматривать всех без исключения пассажиров. Однако если сотрудник TSA будет принимать

решения, исходя из принципа замысла, то он разрешит 90-летней женщине в инвалидном кресле пройти досмотр без особого дискомфорта. Суть в том, чтобы предотвратить трагедию, и, по мнению сотрудника TSA, который гораздо опытнее в этом вопросе, чем инструкция TSA, пожилая женщина не представляет опасности. Замысел реализован, инженерное решение нестандартно. Можно возразить, что из-за излишней инициативности можно пропустить террориста. Однако контраргумент в этом случае заключается в том, что и убийственная рутина технологического решения может привести к такому же исходу.

Возьмем другой пример. Когда мне исполнилось шестьдесят пять, я узнал, что могу сделать для себя медицинскую страховку в рамках Medicare<sup>1</sup>. На тот момент я работал, у меня была частная страховка и я не видел причин ее менять, тем самым заставляя государство оплачивать мои медицинские расходы. Через два года я узнал, что не только мог, но и обязан был сделать себе Medicare. Когда я пришел оформлять документы, мне сказали, что я должен буду выплачивать штраф в течение всей жизни. Этот штраф, конечно, был мне неприятен, но не слишком. Но что было бы, окажись я в других жизненных обстоятельствах? Тогда бы этот штраф стал для меня непосильной ношей. Мне сообщили, что можно подать заявление на освобождение от выплаты штрафа, которое, в зависимости от уровня дохода и других факторов, может

---

<sup>1</sup> Национальная программа страхования для людей старше 65 лет, частично покрывающая расходы на лечение. — *Примеч. пер.*

быть удовлетворено, а может и нет. Поэтому кто-либо, совершивший такую же ошибку, как и я, будучи при этом менее финансово успешным, должен был бы начать выплачивать штраф, заполнить заявление и ждать ответа. Замысел Службы социального обеспечения (Social Security Administration) заключался в том, чтобы оштрафовать тех, кто не оформил страховку по достижении 65 лет, — но только тех, которых данный штраф не разорил бы. Следуя принципу замысла, госслужащий, разбиравший мою ситуацию, мог бы сразу отказать мне, но при этом освободить кого-то другого от выплаты штрафа, диких бюрократических проволочек (бланки, которые нужно заполнять, просто восхитительны) и томительного ожидания.

Проблема третьего институционального цикла состоит в том, что сложные технологические разработки технократов в целом крайне рациональны, но игнорируют бесконечные специфические особенности, из которых состоит жизнь. Крупные корпорации могут нанимать лоббистов для изменения самого процесса разработки. Однако у обычных людей таких средств нет. Они утратили политического лидера, который взаимодействовал с правительством. Цена честности — бессилие. Технократическая альтернатива приносит вред, который невозможно предугадать, и оборачивается отсутствием гибкости при управлении обществом, которое с момента своего основания отличалось гибкостью — не исключаяющей, впрочем, вероятности разрушения. Разработанные нормативные акты помощи не оказывают, а операторы системы не имеют права свободно

проявлять инициативу, основываясь на замыслах начальства.

На мой взгляд, в четвертом институциональном цикле технократический подход подвергнется радикальным изменениям для того, чтобы замыслы правительства могли разумно выполняться на любом уровне. Вместо обширного свода правил, который мало кто читал и еще меньше кто понимает, нужно будет заново ввести понятие здравого смысла. Закостенелость управленческих разработок не позволяет предвидеть все важные исключения и не дает гражданам возможности обращаться с петициями к своему правительству по-человечески — и как к человеку. Во времена Линкольна просители, простые граждане, надеявшиеся на удовлетворение своей просьбы, ждали возле его кабинета. Теперь это невозможно, если только гарантированное гражданам Конституцией удовлетворение их претензий не превращается в «восстание против системы». Военная модель предлагает для этой проблемы одно решение.

Другая главная проблема, с которой мы столкнемся в начале четвертого институционального цикла, — это поиск выхода из кризиса системы образования, центрального поля битвы, как мы видели в предыдущей главе. Реформа высшего образования будет так же важна, как и поиск нового руководящего принципа для федеральной власти. Большинство университетов в той или иной мере субсидируются из федерального центра; наиболее затратной статьёй являются гарантированные государством образовательные кредиты. Наличие этих кредитов позволяет университетам

увеличивать плату за обучение и другие расходы, поскольку они знают, что и сумма кредитов вырастет соответственно. В результате растет долг, который учащиеся должны погасить, равно как и долговые обязательства федерального правительства. Право на получение государственных грантов или даже бесплатное обучение в небольшом числе элитных университетов не меняет того факта, что студенческие ссуды являются стандартным решением для тех, чьи родители не могут оплатить обучение.

Первая битва будет за образовательные кредиты, объем которых теперь превышает объем высокорисковых ипотечных кредитов 2008 года. Сворачивание или модификация системы студенческих ссуд установит строгое ограничение не только на повышение университетами платы за обучение, но и на ее сохранение на прежнем уровне. Университетам также придется урезать свои чрезмерные расходы. Можно собрать огромные суммы денег, продав непомерно дорогие земельные участки, на которых располагается университет, и переехав в более простые помещения. По сравнению с большинством американских вузов, европейские университеты покажутся образцом спартанской жизни.

Еще больше денег можно сэкономить, проведя грань между преподаванием и научной деятельностью. В целом большинство американских преподавателей либо вообще не занимаются исследованиями, либо занимаются ими недостаточно. Вопреки расхожим представлениям можно быть прекрасным преподавателем, не имея каких-либо значительных научных

достижений. Поэтому нужно увеличить академическую нагрузку для таких преподавателей — сократив тем самым расходы учебного заведения. Исследовательские программы, как правило, финансируются за счет средств не самого университета, а правительства или какого-либо фонда, и значительная часть этих денег отводится на текущие издержки. Деньги, предназначенные для исследований, пойдут на исследования. Преподаватели же смогут сосредоточиться на совершенствовании педагогического мастерства, не будучи обязанными проводить псевдоисследования для отвода глаз.

Потеря фантастически дорогих помещений и разделение труда между преподавателями выглядят чрезвычайно радикальными изменениями. Впрочем, разработка производственных задач для крупных корпораций в период пятого социально-экономического цикла также казалась радикальным шагом. Закон G. I. Bill казался радикальным в четвертом цикле, а введение чистого золотого стандарта было радикальным в третьем цикле. Во втором такой мерой стало подстраивание банковского законодательства под нужды западных поселенцев. И уж вся идея возникновения США была радикальной в первом цикле. Все циклы меняют представление о непоколебимости и постоянстве. В век знаний сущность, которая производит и транслирует знания, должна быть изменена. Только бизнес, в США это обычное дело.

Университетские перипетии станут той идеологической борьбой, которая определит политику шестого социально-экономического цикла. Под политической

я не подразумеваю левый и правый фланги, хотя идеи современного либерализма уже пересеклись с идеологией технократии. Университет является очагом технократии в том смысле, что он лелеет знания и их формальное подтверждение дипломом в качестве основы для оценки заслуг человека; университет зиждется на иерархии дипломов. Количество зачисленных студентов также зависит от пространства и преподавательской нагрузки. Спартакское пространство увеличивает количество мест для студентов и возможности преподавателей. Действительно, это позволит нанять больше преподавателей, что приведет к дальнейшему увеличению возможностей. Гарвард зачисляет около двух тысяч студентов ежегодно. Почему не пять тысяч? Конечно, если бы было зачислено такое количество, престиж Гарварда упал бы — но отнюдь не качество знаний, полученных студентами.

Идеология университета в конечном счете основывается на его высоком положении и статусе и редко нуждается в оправдании. Университеты, называемые элитными, зачастую не могут объяснить, чем знания, которые они преподают, выше тех, что получены в вузах «попроще». Они указывают на то, что в элитных университетах больше исследовательских возможностей: это важно, но не предопределяет превосходство. Социальное продвижение личности может быть достигнуто двумя способами: либо путем растущей открытости элитных университетов, как это было в случае с законом G.I. Bill, либо путем противостояния претензиям элиты на право называться таковой — что, таким образом, приведет

к рациональной переоценке представителей элиты, созданию более реалистичной карты престижности и к тому, что степень, полученная в Стэнфорде или Гарварде, качественно никак не будет отличаться от степени, полученной в Техасском университете. Со временем тщеславная тенденция подтверждать свой социальный статус с помощью диплома Стэнфорда или Гарварда ослабнет. Появятся два преимущества. Во-первых, исчезнет сомнительное убеждение, будто образование в Йельском или Гарвардском университете лучше других; изменится само понятие престижного диплома. Все это упростит процесс социального продвижения личности. Во-вторых, принятые меры будут способствовать более свободному смешиванию различных классов, как это происходило во время и после Второй мировой войны. И барьеры падут.

Кому-то может показаться странным то, что я считаю университеты полем битвы в кризисе, который разворачивается в этом цикле. Однако же университет становится все более противоречивым даже в своих внутренних ценностях и подчеркивании этнического, но не обязательно интеллектуального разнообразия. Впрочем, в этой сфере произойдет не сдвиг: случится атака на систему, ограничивающую социальное продвижение. И результаты этой атаки коренным образом изменят американское общество.

Проблемы с университетами тесно связаны с развитием технологий, то есть тем, что предопределит, каким будет мир в экономическом и социальном планах между 2040 и 2080 годом и какими станут

институциональные рамки в оставшуюся часть века. Перейдем от момента зарождения нового цикла к его зрелости.

\*\*\*

Параллельно с возникновением четвертого институционального цикла в 2030-е годы обозначится и шестой социально-экономический цикл. Давайте вспомним, с какими проблемами, оформившимися во время окончания пятого социально-экономического цикла, будет иметь дело новый цикл. Важно рассматривать их не как случайные совпадения или ошибочные выводы, но скорее как логическое следствие успеха предыдущего цикла. Когда вы строите пирамиду, нужно тщательно планировать и выбирать подходящее время для того, чтобы класть следующий слой.

Каждый социально-экономический цикл, достигающий зрелости, — это своеобразная золотая корона с бриллиантом. Золото и бриллианты — опасная метафора, но, когда мы рассуждаем о развитии США, не забудем о том, что каждый цикл имеет уникальную характеристику, которая преобразовала Америку (золото), и переломный момент, вокруг которого строится весь цикл (бриллиант).

Вспомним 5-й цикл и 1990-е, блестящий момент расцвета эпохи микросхем, распад СССР, распространение власти США по всему миру. Политические и социальные страсти закипали, но не вылились наружу.

Вспомним 1950-е, то есть четвертый цикл, когда реактивные самолеты, ТВ, скоростные автомагистрали,

соединяющие различные штаты, изменили географию страны, позволив американцам наблюдать доселе им не знакомое и добираться до тех мест, которые раньше были им недоступны. Десятилетие президентства Эйзенхауэра и восхитительной банальности.

Мы можем вернуться к 1890-м годам, относящимся к третьему циклу, когда США стали крупнейшей промышленной державой в мире; к 1840-м годам (второй цикл), когда география США обрела целостность; или в первое десятилетие XIX века (первый цикл), когда Луизиана стала частью Америки и были проложены дороги на запад через Аппалачи.

Эта золотая корона с крохотным, но притягательно сверкающим бриллиантом появляется после перехода в новый цикл. И оставшийся период эпохи предопределяется этими самыми яркими (золотыми) моментами. Перед нами стоят следующие вопросы: какой будет золотая корона шестого цикла и ее бриллиант?

Золотая корона, то есть золотой век, не означает время всеобщей гармонии, безграничной радости или отсутствия трагедий. Все мы люди, и трагедии, страдания и гнев неизбежны. Золотой век — это время, когда, несмотря на всю возможную присущую ему боль, появляется тем не менее нечто экстраординарное. Мы считаем золотым веком расцвет Древней Греции, Возрождение. В каждом было достаточно человеческой низости — от рабства и бедности до войн, интриг и убийств. Однако подобные явления свойственны всем временам. Золотой же век запоминается не общим, а уникальным. Уникальным для

США было постоянное возрождение чего-то экстраординарного, циклическое воспроизведение золотого слоя, лежащего в конструкции пирамиды, несмотря на постоянные несчастья, гнев и бедность, скрывающиеся под этим слоем. Удивительно, насколько в такие периоды эти негативные и болезненные моменты смягчаются, если не устраняются полностью. В конце и начале каждого цикла возникает чувство неудачи и катастрофы. Тем не менее каждый раз США воссоздавали себя — возможно, не идеально, но зато умудряясь возрождать свое потрясающее превосходство.

Апогей золотого века наступает через два-три десятилетия после начала нового цикла. Это означает, что мы с нетерпением ждем 2050-х или 2060-х годов. До тех пор мы будем строить структуру шестого социально-экономического цикла, а после этого начнется неизбежный закат золотого века. Чтобы осмыслить грядущий цикл, мы должны понять, когда наступит этот момент, а для этого нам нужно узнать, как проявятся проблемы, которых мы уже коснулись.

Финансовая проблема, которая будет лежать в основе шестого цикла, — это избыток и распределение денег в экономической системе. Профицит возник в результате успеха пятого цикла и зрелости экономики, основанной на микросхемах. Как я уже отмечал, значительный объем доступных денег и недостаточные возможности инвестировать в то, что создает богатство, — это большая проблема. Деньги распределяются неравномерно, скапливаются в верхних слоях общества, и концентрация их увеличивается по мере движения вверх. Учитывая низкие процентные став-

ки, не имеет смысла держать эти деньги в банках или в облигациях, доходность которых низка. Вместо того чтобы держать деньги без дела, инвесторы решают покупать такие вещи, как недвижимость. Поэтому цены на жилье, коммерческую и арендуемую недвижимость растут. Это создает проблему для людей с доходом ниже среднего. Они не участвовали в распределении созданного богатства — во всяком случае, оно было распределено неравномерно, и, поскольку цены на недвижимость растут, они не могут себе ее позволить, а низшая прослойка среднего класса не может жилье даже арендовать.

Доминирующей политической силой станут люди с доходом ниже среднего, а также те, чей доход превышает средний. Остальные будут находиться между ними. Произойдет также идеологическая перестройка уходящей социальной группы эпохи Рейгана с ее свободным рынком — набирающего силу класса, который сосредоточен на результатах, а результатом, которого представители этого класса будут хотеть, является перераспределение дохода и даже уже заработанного богатства. Культурные войны, которые определяют политику пятого цикла, продолжатся, но больше не будут связаны с экономическими требованиями и вместо этого будут распространяться на различные фракции.

На протяжении всей истории мы видели, что США часто решают проблемы циклических сдвигов с помощью налоговых реформ, которые считаются очевидным выходом из проблемы распределения богатства и ценовой политики. И все же США раз-

вивались до нынешнего дня мощно и предсказуемо. Глядя на график изменения ВВП с 1880-го по 2010 год (рис. 20), мы замечаем, что единственное существенное снижение произошло во время Великой депрессии, и, хотя это заметно, более важным фактом является последовательная тенденция роста. В США сохраняется устойчивая и впечатляющая модель роста, на фоне которой все циклы, о которых мы говорили, выглядят просто незначительными провалами и едва заметными изменениями устойчивого тренда. Когда мы вспоминаем о великой пирамиде, которую должны были построить США, концептуально это выглядит так.

Нет никаких оснований полагать, что эта тенденция изменится, и существует миллион причин для того, чтобы считать, что она продолжится, несмотря на маниакально-депрессивный характер американской души. Страх того, что за новым процветанием скрывается опасность, будет возникать и впредь, как и в последние годы, станет доминирующей темой. Убежденность в том, что все опасности устранены, свойственная периоду прохождения наивысших точек цикла, будет затем разбиваться вдребезги из-за незначительных событий.

Таким образом, сдвиг в экономической политике будет происходить в рамках нормального экономического развития. Но возникает более глубокая социальная реальность, которая заново сформулирует потребности американского общества и, следовательно, будет определять новые технологии, социальную структуру и сам характер эпохи.